

Наталья Менжунова

ОТОРВЫШ

Повесть о любви и героях для детей и
взрослых

Наталья Менжунова

Оторвыш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8387533

ISBN 978-5-4474-0254-9

Аннотация

Любое путешествие в тысячу миль начинается с первого шага. И ты вполне способен даже на подвиг, хотя, возможно, думаешь о себе, что ты всего лишь... пуговица.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Гром среди ясного неба	7
Глава 2. Река-море-океан	13
Глава 3. Утомленное сердце	16
Глава 4. Болван-романтик	24
Глава 5. Сейчас или никогда...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оторвыш

Повесть о любви и героях для детей и взрослых Наталья Менжунова

© Наталья Менжунова, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

От автора

Эта история случилась в дачном поселке прошлым летом. Она живо обросла подробностями, которых, вероятно, в реальности не было. Обычное дело: когда историю передают из уст в уста, всякий считает своим долгом приукрасить место, которое не слишком удалось предыдущему сочинителю. Да и пусть, от этого читатель только выигрывает.

Еще важно сообщить: как любой рассказчик, я лично знаю двух участников. Должно быть, данное утверждение вызовет снисходительную улыбку, но клянусь: я действительно поддерживаю с ними знакомство! Ведь пересказал мне всё не кто иной, как мой Старый Утюг. Кое-что добавил Гусман, так что оставалось только записать.

Как? Кто-то еще не знает Гусмана, эту пронырливую курносую гусеницу с быстрым взглядом? Имя себе он придумал сам – Гус Мануэле, сын Терра Калиды. Чтобы произвести впечатление на дам. Муравьи, что живут в муравейнике под березой, поговаривают, будто Гусман – обыкновенная луговая желтушка. Но Гусман категорически с этим не согласен. Он утверждает, будто со временем превратится из гусеницы в летающего оцелота. Время покажет, а пока у Гусмана не счесть ног, и оттого он везде успевает и неизменно в курсе дел каждого обитателя дачного посел-

ка.

Так вот, Утюг и Гусман оказались в самой гуще событий, которые произошли прошлым летом...

«Стоп! – скажете вы. – Не морочьте голову. Если история произошла прошлым летом, то Гусман уже давно должен был превратиться в бабочку! Тогда где здесь правда, а где вымысел?»

«А я почему знаю? – отвечу вам. – И, в конце концов, так ли уж это важно? Важно, что все рассказанное могло случиться, и даже непременно случилось. Но самое главное, всегда может случиться с любым, у кого хватит на то желания и решимости».

Глава 1. Гром среди ясного неба

Длинная паутина крутнулась юлой, и зависший на конце Гусман чуть было не промахнулся мимо оконного переплета. Он приземлился сюда вовсе не потому, что у него имелось срочное дело, а как раз наоборот: денек выдался теплый, а занятий особых не было.

Гусман давно хотел разведать, что там за окном, внутри дома. На всякий случай. Ведь таким аппетитным с виду гусеницам как он, приходится быть начеку. Никогда не мешает знать, что находится дальше собственного носа.

Гусман отпустил паутину, подтянулся выше по переплету и уткнулся в оконное стекло.

За стеклом находился кабинет. Там было множество книг, беспорядочно пристроенных на каминной полке, на высоченном стеллаже, на полу и даже в пузатом цветочном горшке.

У окна качалось большое плетеное кресло. Конечно, оно качалось не само по себе. В кресле сидел Федор Михайлович и читал журнал. Ему совершенно не было никакого дела до Гусмана. Пластмассовые пуговицы на домашней куртке Федора Михайловича торопились прочесть страницу, пока её не перелистнут, так что Гусман незаметно мог наблюдать сколько душе угодно.

Он вдавился в оконное стекло. Ему нестерпимо захоте-

лось увидеть цветные фото. Картинки из журнала то приближались, то удалялись в такт креслу-качалке. Пальцы Федора Михайловича неспешно переворачивали страницы.

– Салат! – встрепенулся Гусман, когда на развороте всеми цветами супермаркета заиграла реклама.

«Мечты сбываются! Позвоните, и мы...», – мелькнула надпись под упитанным фермером с пучком зеленых листьев в руке. Гусман еще сильнее вдавился в стекло и потянул носом, чтобы уловить запах салата. Картинка приблизилась, а затем в такт качалке отъехала. Какая досада!

Гусман собрался топнуть одной из ног, но тут за его спиной пружинно хлопнула калитка. Пока Гусман оторвал от стекла вспотевший нос, кто-то уже прошел по тропинке к дому, и ему ничего не оставалось, как вновь заглянуть в комнату.

Федор Михайлович положил журнал себе на грудь и прислушался к звуку шагов.

– А-а-а-а!!! – тотчас раздался вопль пуговицы с непослушным вихром.

Да и как было не закричать, если на него журнальным многопудовым телом навалился фермер с рекламы салата? Вообще-то, завопили все пуговицы на куртке. Просто тот, что с вихром, старался громче всех: фермер упал на него широко разинутым, зубастым, готовым откусить ртом.

Вихрастого, бесспорно, ожидал нервный срыв, но журнал в следующее мгновение полетел на подоконник.

Хлоп! – и листья рекламного салата приклепнулись к оконному стеклу.

–»...ты сбы...» – всё, что попало в поле зрения Гусмана со страницы.

Стекло содрогнулось от удара, и Гусман – бум-с! – столбиком полетел в траву, оставляя едва забрезжившую мечту познать запах глянцевого салата.

Между тем Федор Михайлович поспешил открыть дверь. На крыльце стояла соседка, миловидная нарядная дама.

– Здравствуйте, Федор Михалыч, – пропела нарядная дама.

– Добрый день, Алина Семеновна, – ответил Федор Михайлович, торопливо застегивая куртку.

Пуговицы с любопытством просунули головы в петли куртки...

Погодите, надо же их представить. Знакомьтесь: Свистун, Ворчун, Серьезный и... четвертый, тот, с непослушным вихром, откликается обычно на... Но что это с его лицом? Отчего оно так вытянулось? А-а-а, всё ясно...

На розовой блузке Алины Семеновны сияло множество милых пуговок в форме цветочков разного цвета.

– Вы только гляньте! – заметно оживился Свистун и засемафорил глазами. – Одна, две, три... пять... Эй, Зелененькая!

– Нет, девочки, вы только посмотрите, каков нахал! – скорчила гримаску Зеленая Пуговка.

Разноцветные пуговики высокомерно задрали носики. Но Свистун разошелся не на шутку и присвистнул:

– Да их тут целая клумба! Они...

– Закрой рот, – буркнул Ворчун, пуговица с вечно недозволенным видом. – Что они о нас подумают?

– Явно, не самое лестное, – отозвался Серьезный и одернул воображаемый мундир. Он решил исправить положение и учтиво обратился к пуговкам:

– Как поживаете? Надеюсь, вам не приходится скучать?

Зеленая Пуговка демонстративно ответила только ему:

– Скучать особенно некогда. Магазины, парикмахерская... Сами понимаете. У хозяйки...

– У хозяйки наша блузка любимая, и... – подхватила Голубая Пуговка.

– ...и мы все время в приятных хлопотах, – закончила Белая.

– Что вы говорите?! – старательно поддержал беседу Серьезный. – А мы получили новый журнал. Вот, читаем. Мы всегда много читаем.

– Мне пора, – пропела тем временем Алина Семеновна и протянула Федору Михайловичу руку для пожатия.

И тут, будто гром грянул средь ясного неба! Во всяком случае, для пуговицы с вихром. На блузке, до этого перекрытая рукой Алины Семеновны, оказалась еще одна пуговка, Розовая. Солнечный блик играл на ее лепестках, и она вся сияла. Вихрастый замер от изумления.

Розовая Пуговка зажмурилась, затем размашисто хлопнула ресницами и широко открыла глаза. В миг, когда ее взгляд упал на вихрастого, настоящий удар грома прокатился по небу. Розовая Пуговка вздрогнула, но взгляда от вихрастого не отвела.

– Что это? – прошептала Розовая Пуговка.

– Очень приятно... Федечка. – пролепетал вихрастый, не отрывая взгляда от Розовой Пуговки.

Свистун, воззрившись на него, присвистнул. Но свист от удивления не удался и почти сразу сошел на «нет».

– Так мы вас ждем сегодня вечером? – не то спросила, не то подтвердила Алина Семеновна.

Федор Михайлович кивнул с видимым удовольствием.

– Надеюсь, и мы еще увидимся, – вежливо попрощался с разноцветными пуговками Серьезный. – Итого: приятно было познакомиться.

Алина Семеновна глянула на потемневшее небо и поспешила к калитке.

– Порази меня гром! Вы что, уже уходите? – засуетился Свистун.

Вихрастый Федечка, что есть силы, потянулся вслед удалявшейся блузке. Но крепкая нитка надежно удерживала его.

Третий удар грома не на шутку сотряс землю, и Федечка обессилено повис на куртке. Из его груди вырвался вздох разочарования.

Наблюдавший из-под лопуха Гусман передразнил Алину Семеновну:

– Уой! Уой! Уой! Та-а-к мы вас ждем ве-е-ечером?

Он изобразил жеманную мину и закатил глаза. И вовремя. Не сделай он этого, не заметил бы Сороку, которая обзревала двор с высоты березы. Взгляды птицы и гусеницы пересеклись, и Гусман молнией метнулся в густую траву. Только его и видели.

Глава 2. Река-море-океан

Алина Семеновна утюжила розовую блузку. По ткани скользил Старый Утюг и изображал пароход. Уже знакомые нам разноцветные пуговицы резвились в шелковых волнах. Пуговкам и Утюгу было за-ме-ча-тель-но, и только Розовая не принимала участия в веселье.

– Что-то наша девочка сегодня грустная-а-а? – улыбаясь, пропыхтел Утюг над ухом у Розовой Пуговки.

Разноцветные Пуговицы наперебой затараторили:

– А она у нас влюблена! Влюблена! Влюблена...

– Прекрасно! – бороздя волны блузки, воскликнул Утюг. – О, это даже великолепно! И в кого же?

– В Федечку! В Федечку... – вновь затараторили пуговицы. – Он живет в соседнем доме на домашней куртке Федора Михалыча.

– Пардон, – Утюг аккуратно объехал Зеленую Пуговку и вернулся к Розовой:

– Разве любовь – повод для грусти? Это же великолепно! Любовь—река. Нет, любовь – это море, это – океа-ан! Я до сих пор помню горячие волны любви к Жоржетте.

– Это та красивая шляпа с широкими полями? – вынырнула из шелка Зеленая Пуговка.

– Да, да, – охотно отозвался Утюг. – Когда я видел ее, то раскалялся почти добела... Давненько всё было.

– И где она сейчас? – высунула носик Голубая Пуговка.

– Сейчас она несколько старомодна и безвылазно сидит в шкафу. Я возвращаюсь к ней после работы, и мы мило проводим время, вспоминая былые годы.

– А вот нам никогда не быть вместе, – вздохнула Розовая Пуговка.

– Это почему же? – остановился было Утюг, но, спохватившись, поехал дальше.

– Мы – пуговицы. Мы с разной одежды, – ответила Розовая Пуговка.

– Вот если бы вы жили в одном шкафу, то виделись хотя бы иногда, – со знанием дела вымолвила Зеленая Пуговка.

– Почему только иногда? – уточнила Белая Пуговка.

– Да потому! – ответила Зеленая. – Блузку надевают днем, а домашнюю куртку вечером. И это называется – «мимолетные встречи».

– Я и говорю, нам не быть вместе. Для нас это невозможно, – задрожали пухлые губы Розовой Пуговки.

– Кто сказал, что невозможное – невозможно?! – разошелся Утюг. – Если бы мой кумир Петр Первый тоже так думал, он никогда бы не прорубил окно в Европу! У-у-у!!! У! У! Нет такого слова «невозможно»!

На улице уже смеркалось, лил дождь. Алина Семеновна потянулась опустить жалюзи, и разгоряченный Утюг закричал:

– Долой железный занавес! Долой преграды! Улю-лю-ю!

Ту-ту-у-у!!! Пф! Пф!

Глава 3. Утомленное сердце

По листьям деревьев монотонно стучали тяжелые дождевые капли, а в кабинете сладко посапывали пуговицы на домашней куртке Федора Михайловича.

Сам Федор Михайлович танцевал на вечеринке в соседнем доме, откуда то и дело доносились обрывки шумного веселья. Ворчуну музыка досаждала, и он забился под рукав. А Свистуну, напротив, спалось сладко: под музыку он еще и подергивал ногой в такт.

Я не оговорился. Именно ногой. Со стороны не заметно, но заявляю со всей ответственностью: все предметы имеют глаза, уши, руки, ноги и даже сердце. Пусть вам не покажется странным, но Пуговицы тоже имеют все перечисленное, только стараются не демонстрировать до поры – до времени. Они прячут свои ручки-ножки за спину, и болтаются себе такими круглыми дурачками на нитках, выполняя свою работу.

Но однажды наступает момент... Впрочем, что это я постоянно вмешиваюсь в ход повествования? Ведь читатель умен и сообразителен. Хорошо, оставляю вас наедине с историей. Тсс...

Итак, пуговицы на домашней куртке спали.

Не спалось только вихрастому Федечке да портрету знаменитого физика Эйнштейна на стене. Свет уличного фона-

ря падал на портрет ученого и Федечка ясно видел, как тот показывает ему язык.

– Вам смешно, да? – думал Федечка. – Вы, конечно, хотите спросить, мол, отчего это я с именем влез? А почему нет? Разве я не могу иметь имя? Разве плохо иметь имя? И Федор Михалыч имеет имя, и Алина Семеновна. Я тоже теперь с именем, надо же было неотложно представиться той прелестной Розовой Пуговке.

– Все относительно, уж поверь мне, – лукаво смотрел Эйнштейн на Федечку. – Можешь называть себя хоть Наполеоном, но относительно окружающего мира ты всего лишь пуговица.

– А относительно Розовой Пуговки?

– Пришитая вихрастая пуговица с именем.

– Прекратите! Я больше не желаю это обсуждать.

Федечка забился глубже в мягкую ткань куртки.

Со стороны соседского дома послышались чарующие звуки танго. Они смешивались с ритмом дождя и мягко вливались в комнату.

Федечка знал, как танцуют танго. Он представил себе Алину Семеновну, танцующую с Федором Михайловичем, затем воображение подсказало, что Алина Семеновна сейчас непременно в любимой розовой блузке, а дальше...

Дальше началась мука, потому что Федечку пронзила совершенно ужасная мысль: Розовая Пуговка танцует танго с Пиджачной пуговицей! О-о-о! У Федечки есть соперник!

И это было невыносимо. Розовая Пуговка улыбалась удачной шутке его соперника. Ах, если бы Федечка был пуговицей со смокинга или на худой конец с клетчатой рубашки, то он бы не хуже Пиджачной пуговицы смог развеселить барышню!

Очередной взрыв смеха пронзил федечкино сердце насквозь. Федечка закричал зубами и перевернулся на другой бок. Но уснуть никак не удавалось. Когда до слуха вновь донесли звуки музыки, воображени несчастного влюбленного нарисовало страшную картину.

Вот он, Федечка, в смокинге входит в залу, где Розовая Пуговка танцует с Пиджачной Пуговицей. Вот он вынимает из-за пазухи черный блестящий пистолет, стреляет в соперника и тот падает. Розовая Пуговка рыдает над телом Пиджачника. О-о-о, нет, не так. Она должна рыдать над ним, над Федечкой. Ну-ка, еще раз.

Вот он в смокинге входит в залу, где Розовая Пуговка танцует танго с Пиджачной Пуговицей. Он вынимает из-за пазухи черный блестящий пистолет, стреляет в себя и, окровавленный, падает. Розовая

Пуговка рыдает над его телом. Так! Вроде, неплохо получается. Федечке даже понравилось, и он еще раз представил эту сцену.

Вот он, убитый сам собой, падает, пистолет еще дымится, а Розовая Пуговка склоняется над его бездыханным телом и...

– Ха-ха-ха!!!

Взрыв хохота ворвался в комнату сквозь завесу дождя. Вечеринка веселилась. Гости смеялись. Уж, не над ним ли?

– О, нет! – воскликнул Федечка.

От вскрика подпрыгнул всклокоченный Свистун и сонно заморгал:

– Что ты? Ты что? Что ты?

– Боже... Кажется, я сильно влюбился, – прошептал Федечка.

Свистун зевнул, почесал живот и вновь зевнул:

– Да-а-а, такие длинные густые волосы еще поискать. Мне она тоже нравится.

– Кто? – приподнялся Федечка.

– Как кто? Та, что с обложки. А ты о ком?

– Я влюбился в Розовую Пуговку. С блузки.

Свистун присвистнул. Рядом заворочался Ворчун, приподнялся Серьезный, и Свистун закончил привычным: – Кхе-кхе...

Повисла пауза. Затем Свистун сладко потянулся и изрек:

– Угораздило же тебя.

– Угораздило, – обреченно кивнул Федечка.

– А Федечкой зачем назвался? – вступил в разговор Серьезный. – Понятно, что «Пуговица» как-то не звучит при знакомстве с дамой,

только можно было что-то и более звучное придумать.

– Точно, – подхватил Свистун. – Корнелий, скажем. Или

Ювеналий.

Красиво, да? Или, на худой конец, Федор Михалыч. А то – Федечка.

– Да, несолидно как-то, – согласился Серьезный. – Пожалуй, и впрямь

влюбился по уши, коли имя невпопад придумал. Итого: влюбленные все до единого на глазах глупеют.

– Выбрось ее из головы, – посоветовал Свистун. – Нам тепло, сухо. Не то, что пуговицам с плаща. Завтра кроссворд разгадаем. Что еще нужно для счастливой жизни?

В комнате вновь установилась томительная тишина. Дождь закончился,

и только редкие капли за окном смачно шлепались в тяжелую траву.

– Тын-б... Тын-б... Тын-б... – отсчитывали капли вязкое время.

– Вот у пуговиц с плаща жизнь суровая, – продолжал Федечка. – Суровая, но настоящая. Мужская жизнь... А мы кто? В чем моя особенность? Мы одинаковы, как две дождевые капли. Ты прав, наша жизнь слишком теплая. И сухая. Чересчур сухая. Разве можно меня полюбить? Такого до скуки сухого с ног до головы. Уж не лучше ли ей танцевать танго с Пиджачной Пуговицей?

У Федечки вновь заныло в груди, он замолчал и посмотрел на Свистуна. Тот сладко спал. Свистун не был влюблен, а потому ничто не могло нарушить его здоровый креп-

кий сон.

– Тын-б... Тын-б... Тын-б... – размеренно отмеряли капли.

– Все относительно, все относительно, – улыбался глазами портрет Эйнштейна.

Наконец дверь в комнату отворилась, вспыхнул яркий электрический свет. Федор Михайлович небрежно бросил пиджак рядом с домашней курткой и направился в ванную. Рядом с Федечкой оказался веселый парень – черная Пиджачная Пуговица. Глаза у него оживленно блестели, он был в прекрасном расположении духа.

Федечку кольнула ревность, но виду он не подал и, стараясь казаться равнодушным, проронил:

– Ну, и как там было?

– Отпадно! – охотно отозвался Пиджачник. – Я, чуть было, там не остался. Вовремя одумался. Отпадешь, закатаишься куда-нибудь в угол, жди потом, когда отыщут. Хорошо, если отыщут, а то пылесосом засосет, и поминай, как звали.

– А такая... красивая очень... там тоже была? – осторожно гнул свое Федечка.

– Ка-анешна! – хохотнул Пиджачник. – Я ей говорю: «Потанцуем?» А она мне: «Ка-анешна...»

– Вы танцевали! – возмущенно выпалил Федечка.

– Что тут такого? – пожал плечами Пиджачник. – Еще как! Она: «Какая прекрасная дождливая погода», ну, и я в ответ: «Какая прекрасная погода». В общем, полное взаимопони-

мание. И кто только пылесосы придумал?.. А ее черные глаза так и горят. Как угольки,— продолжал Пиджачник. — С ума сойти! Два черных лукавых уголька.

— Глаза у нее синие! — запротестовал Федечка. — Синие!

— Эй, дайте поспать, — заворочался Ворчун.

Ни Федечке, ни Пиджачнику было не до сна. Они плотнее придвинулись друг к другу, и Пиджачник зашептал:

— Послушай, я, конечно, в пылу вечеринки мог чего-то и не доглядеть, но не настолько. Глаза у нее черные, и платье у нее... Гм... Черное. Конечно!... Черное.

Федечка окончательно запутался.

— Нет, у нее блузка. Розовая-розовая. А глаза синие-синие.

— Блузка, говоришь? — Пиджачник забыл, что они не одни, и радостно хлопнул Федечку по плечу:

— А-а-а!!! Так ты про одну из тех, что с блузки?!

От вскрика Ворчун, Свистун и Серьезный подскочили и едва не поотлетали с куртки. Ворчун затрясся от негодования, его голос сорвался на визг:

— Федька! Или кто ты у нас нынче? Угомонись, а не то я тебе нитку перегрызу. Дашь поспать или нет?!

Неизвестно, привел бы Ворчун свой приговор в исполнение, только в комнату вернулся Федор Михайлович и забрал куртку. Пиджачник всего-то и успел, что прокричать вслед Федечке:

— Если ты про девчонок с блузки, так их завтра выбрасы-

вают!

Федечка похолодел:

– Как – выбрасывают?

– Хозяйка рукав прожгла!

– погоди! Как?! Как – выбрасывают?

Удерживающая Федечку нитка оглушительно затрещала на весь мир, но не лопнула. Лопнул мир.

Ворчун, Свистун и Серьезный переглядывались между собой, боясь заговорить с Федечкой. Тот смотрел в одну точку и за полчаса не проронил ни слова.

Время от времени из шкафа доносился голос Пиджачника:

– Ах, эти черные глаза-а-а меня сгуби-и-и-ли...

Пиджачник на мгновение замолкал, а поскольку слов дальше не знал, то заводил сначала:

– Ах, эти черные глаза-а-а

Меня сгуби-и-или...

В комнате было совсем темно. А когда темно, голоса становятся громче, зрачки шире, а плохие вести вырастают до безразмерности. Что поделаешь, таковы законы относительности.

Глава 4. Болван-романтик

Тем временем в другом шкафу, в соседнем доме, с повязкой на лбу лежал Старый Утюг и шумно мучился:

– Ах, я старый болван! Чтоб меня замкнуло!

Утюг приподнимал свой гладкий нос и хлопался им об дно шкафа, отчего сверху сыпалась какая-то труха. Утюг посыпал голову трухой и причитал еще громче:

– Объясни мне, Жоржетта, как я мог настолько увлечься, чтобы прожечь розовую блузку? На свалку меня!

Старомодная шляпа Жоржетта успокаивающе гладила его по голове, но это не помогало. Тогда она принялась обмахивать его своими широкими полями, прислушиваясь к тому, что происходит за стеной шкафа.

Там, в корзине, лежала розовая блузка. Разноцветные пуговицы на блузке, конечно же, не спали. Они были напуганы: на рукаве блузки зияла огромная прожженная дыра.

– Что же теперь будет? Что будет? – то и дело заламывала руки Голубая Пуговка.

– Нет, это совершенно невозможно. Пострадать из-за какой-то перегретой железяки...– Белая Пуговка совладала с собой и поправилась:

–...из-за перегретого утюга.

Зеленая Пуговка осмотрела дыру и передразнила:

– «Окно в Европу, окно в Европу». И впрямь старый бол-

ван! Здесь простой латкой не обойдешься.

– Ах, нет же, – возразила Розовая Пуговка. – Он просто романтик.

– Из-за этого романтика неизвестно, что нас ждет теперь впереди, – ответила Зеленая. – Ясно как день: это будет не мозаичное панно.

– Ох, я старый болван! – вновь донеслось из глубины шкафа.

– Мне теперь все едино, – прошептала Розовая Пуговка.

– Зато мне – нет. Я протестую! – топнула Белая. – Мы еще слишком молоды и хороши, чтобы сгинуть вот так, во цвете лет! И мы тоже хотим быть кому-то нужны.

– А вдруг мы уже никому не нужны? – испуганно заморгала Голубая и всхлипнула.

– Не впадайте в депрессию. Каждый кому-нибудь нужен, – отрезала Зеленая и повернулась к Розовой:

– Тебе, подружка, это вовсе непростительно. Уж ты-то точно знаешь, кому без тебя холодно и одиноко. Он влюбился в тебя с первого взгляда.

– Холодно и одиноко? Как мне сейчас? – шмыгнула носиком Розовая Пуговка. – Я как-то об этом совершенно не подумала...

И Розовая Пуговка, наморщив лоб, принялась усиленно думать. Думать о том, как Федечка будет невероятно одинок, если она бесследно исчезнет. Ей нестерпимо захотелось узнать, какие сны он видит, о чем мечтает и от чего ему быва-

ет смешно. Она ни минуты не сомневалась: ее любовь к Федечке взаимная. Так, как смотрел на нее Федечка, смотрят только ослепленные любовью. При этом воспоминании сердце Розовой Пуговки екнуло и ухнуло куда-то вниз.

Пуговка подумала: «Как же я могла сказать, будто мне все равно? Я ведь чувствую, что это совсем не так». Сердце Пуговки вернулось на место и в нем больно кольнуло: «А ведь я могу его больше никогда не увидеть... Никогда-никогда! Нет! Мне необходимо его увидеть!...»

Розовая Пуговка оглянулась по сторонам, ее взгляд остановился на Зеленой Пуговке. Та сразу прочла на лице подруги все ее намерения. Она тоже наморщила лоб, затем высунулась из корзины и позвала:

– Ау, Ножницы-ы-ы...

А когда над краем корзины блеснули два круглых кольца-глаза Ножниц, невинно спросила:

– Вы когда-нибудь любили?

Ножницы поднесли к глазам лорнет:

– Я всегда режу правду, и того же жду от других. Так что давайте без сантиментов, и ближе к делу. Говорите прямо, чего хотите.

– Спасите нас...

Вскоре дверь шкафа приоткрылась, и к Старому Утюгу пробрались срезанные с розовой блузки пуговки.

– Я так винова-а-ат! – повлажнил глазами Утюг и хотел еще что-то добавить, но только и смог, что надрывно вздох-

нуть.

– Дорогой Утюг, – проникновенно сказала Розовая Пуговка. – Мы хотим поблагодарить вас.

Старый Утюг протестующе замахал электрической вилкой, но Розовая Пуговка продолжила:

– Если бы не ваши горячие чувства... Одним словом, если бы не вы, боимся, все оставалось бы по-прежнему. А теперь... Теперь мы отправляемся за мечтой.

– Простите, в минуту слабости я назвала вас болваном, – потупилась Зеленая Пуговка.

– Я и есть старый болван! – закивал Утюг.

– Вы просто неисправимый романтик, – возразила Голубая Пуговка.

– И знаете, нам будет вас недоставать, – погладила блестящий бок Утюга

Белая. – Берегите его, Жоржетта.

Когда, попрощавшись со Старым Утюгом и Жоржеттой, пуговицы выскользнули из шкафа, в комнате уже забрезжил рассвет, и нужно было торопиться, пока в доме еще не проснулись.

Глава 5. Сейчас или никогда...

В доме Федора Михайловича ночь выдалась на редкость беспокойной.

– Ку-ку! Ку-ку! – высунулась из часов механическая кукушка. – Ку-ку! Ку-ку! У-ах!

Она прокричала все положенные «ку-ку», с силой захлопнула дверцу и отправилась досыпать.

В предутренний час, когда сон по-настоящему крепок и сладок, с домашней хозяйской куртки доносилось невнятное бормотание.

– Вот ведь, радио есть, а счастья нет... Старик Ильф был прав, – рассуждал сам с собой Федечка, поглядывая на часы. – Вот ведь, в старину, когда одна пуговица стоила целое состояние, нами так не разбрасывались. А нынче... Нынче все просто: рукав прожгли и – пожалуйста на помойку. – Федечка приподнялся на локте и оглядел соседей:

– Эх, спят...

– Уснешь тут с вами, – прокряхтел Серьезный. – То кукушка со своего балкона каждый час выпрыгивает, то ты не в меру словоохотлив. Итого: ночь насмарку.

– Эй, там! – взорвался Ворчун. – В конце концов, дадите поспать или нет?! – Он сердито взбил подушку и натянул ее на голову.

– Сегодня, быть может, самый черный день в моей жиз-

ни, – пригвоздил себя горькой фразой Федечка. – Моя возлюбленная...

– Да слышал я, – перебил Серьезный. – Не раскисай. Ты сегодня выглядишь не пуговицей, а бесхребетным шнурком.

– Всё относительно, – пробормотал Федечка. – Попробуй удержать корсет дамы, плетущей интриги при дворе, когда ее во все стороны распирает от секретов. Нужно иметь крепкий хребет настоящего придворного шнура.

– Выходит, предки покрепче нашего брата были, – отозвался Серьезный. – Не то нынче поколение, ой, не то.

– Так отчего бы не использовать опыт предков? Одних поговорок и пословиц сколько... – сказал с закрытыми глазами Свистун. – «Всяк сверчок знай свой шесток», «Не в свои сани не садись». Нет, категорически не подходит.

Свистун потер лицо, чтобы окончательно проснуться.

– «Что стиральной доске хорошо, то пуговице – смерть».

Вновь не годится.

– Угу, – усмехнулся Серьезный. – Ты еще вспомни, что в дороге и иголка тянет.

В часах вновь закопошилась кукушка: подходило время очередного «ку-ку».

– Есть еще китайская пословица «Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага», – вспомнил Свистун.

– Китайцы – мудрый народ, – безучастно ответил Федечка. – Их много. Правда, нас, пуговиц, больше. Гораздо больше, а помочь мне некому.

– Да ты вникни, о чем тебе Свистун говорит! – высунулась кукушка. – Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага. Пока ты будешь все пуговонаселение пересчитывать, Пуговицы с блузки пропадут. А еще имя себе взял.

Федечка вскочил, как ошпаренный:

– Пропадут! Мы валяемся здесь на перинах, книжки почитываем! А пуговицы в беде!

Он заелозил и придвинулся к Свистуну:

– С первого шага, говоришь? Слушай, помоги-ка мне! Грызи!

Свистун растерялся:

– погоди, не пори горячку. Я ведь просто вслух рассуждал. Про путешествия, и про все такое. Не спалось, вот и болтал, беседу поддерживал. И потом...

– Но теперь меня поддержи, – перебил Федечка и подтолкнул плечом Свистуна.

Тот почесал затылок и оглянулся на Серьезного.

Серьезный кивнул.

И тогда Свистун вцепился зубами в удерживающую Федечку нитку. Послышался треск.

– Давай. Давай! Еще немного, – подгонял Федечка, поглядывая на первый солнечный луч, проникший в комнату.

Наконец Федечка кувыркнулся на пол.

– Кто со мной?!

Кукушка попятилась и, не прокуковав положенный час, наглухо захлопнула свое окошко.

– Ты извини, – отвел глаза в сторону Свистун. – Все это слишком неожиданно. И потом, на улице дождь, ветер. Иногда снег. Не по мне все это.

– Но сегодня солнце! – возразил Федечка.

– С утра солнце, а к вечеру неизвестно.

– Удачи тебе, парень, – смущенно свесился с куртки Серьезный. – А нас и вправду извини. Мы к такому шагу все-таки не готовы.

Федечке долго разговаривать было некогда. Яркое утро вступало в свои права, и нужно было поторапливаться, пока не приехал мусоровоз.

– Ну что ж, счастливо оставаться. Пока, оседлые! – покатился по полу Федечка. – Не поминайте лихом!

Он добрался до порога и выскользнул за дверь.

– Я вот тут думаю, – с сомнением в голосе произнес Свистун. – Правильно ли я сделал, что перегрыз ему нитку? Ведь если с ним что случится...

– Наконец-то мы от него избавились, – буркнул Ворчун, вылезая из-под подушки. – Просто никакого покоя.

– А мне он нравится, – произнес Серьезный. – Каждый должен быть там, где находится его сердце. Итого...

– Итого, – подхватил Ворчун, – одним бездомным стало на свете больше.

И пуговицы надолго замолчали, примеряя на себя поступок Федечки.

Между тем за дверью Федечке стало крайне не по себе. Исчезла мягкая опора куртки, не держала надежная нитка, и было ясно одно: с этого времени придется рассчитывать только на себя. Беглец перебежками преодолел пару комнат и выбрался на крыльцо.

От огромности мира, светившегося за порогом, у него закружилась голова. Он прислонился к плинтусу, набрал полные легкие прохладного воздуха, и чуть было не захлебнулся.

– Ширк-ширк... Ширк-ширк... Фьють! – послышалось рядом с крыльцом, и мимо ступенек вихляющей походкой прошагала Метла. Метла подметала садовую дорожку и самодовольно насвистывала арию или частушку, или что-то в этом роде: понять было сложно, поскольку она перевирала любую мелодию.

– Не свистите, – посоветовал Федечка.

Метла остановилась, как вкопанная, и недоуменно уставилась на Федечку.

– Не свистите, иначе денег не будет, – пояснил тот, сползая со ступеньки.

Метла заморгала, насупилась и через мгновение так поддала Федечке, что тот кувырком отлетел к забору.

Грубо. Очень грубо, – подумал Федечка. – Хорошенькое начало.

Метла проследила за федечкиным полетом и, насвистывая, двинулась дальше, вихляя чубом туда-сюда, туда-сюда.

Федечка поднялся, отряхнулся и вмиг обнаружил, что прилетел в нужном направлении: сквозь прутья забора были видны двор дома Алины Семеновны, распахнутые настежь окна и поднятые жалюзи. Он увидел, как входная дверь отворилась, и чья-то рука выставила на крыльцо мусорную корзину.

Федечка так и впился взглядом в корзину: через край свешивался рукав розовой блузки. У Федечки перехватило дыхание. Он испытал смешанные чувства: радости – от близости к возлюбленной, и катастрофы – от того, что слова Пиджачника оказались правдой, и пуговкам грозит нешуточная опасность.

Опасность не заставила себя ждать. Она явилась из дома в виде усатого дядьки, который ловким движением опрокинул содержимое корзины в большой черный пакет и завязал его горловину.

– Ширк-ширк! – вновь послышалось за спиной у Федечки, а следом со стороны улицы загрохотал мусоровоз: «Дрын-бр-р-р-др-др-р-р-дыр! Гр-рым-м, уф, пуф-ф-ф... Пф-ф-ф-фыыы...»

Усатый дядька ухватил пакет за горловину.

– Ык, – икнул пакет, почувствовав на горле цепкие пальцы.

Усатый дядька крепче зажал горловину и направился к машине.

Времени на раздумья у Федечки не оставалось ни секун-

ды.

Он метнулся вслед, но понял, что не успеет, и вдруг, неожиданно даже для себя, прыгнул к Метле и оседлал ее.

– Да кто ты такой, черт тебя возьми?! – разъярилась Метла.

– Федечка!!! – во весь голос заорал Федечка и пришпорил Метлу.

Перепуганная Метла ринулась, не разбирая дороги. Она перемахнула через забор и с бешеной скоростью помчалась вперед, сметая чубом все на своем пути. В ушах у Федечки засвистел ветер, и он от страха, что слетит с черенка, вцепился в него мертвой хваткой.

От боли Метла взвыла, взвилась в воздух и легко обогнала ехавший мусоровоз. Через стекло кабины мелькнули округлившиеся глаза водителя и перекошенный рот. Метла не почувствовала, когда Федечка спрыгнул на мусоровоз и крепко ухватился за крышку мусорного бака. К ужасу водителя, она еще некоторое время кружилась в беспомощности на проезжей части и, наконец, выдохнувшись, свалилась в придорожный кювет.

А Федечка подтянулся и с грохотом перевалился через край бака на мусорную кучу. Гора одинаковых черных пакетов подпрыгивала на ухабах и кренилась на резких поворотах. Было непонятно, в котором из пакетов находилась еще сутки назад горячо любимая блузка Алины Семеновны. Все вокруг скрежетало, шуршало и двигалось.

Федечка зажал нос и решил дождаться конца путешествия, а во время пути хорошенько все обдумать. Но мысли на ухабах мгновенно вылетали из головы. «Будь, что будет», – решил Федечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.